

УДК 821.161

Имплицитная семантика «пути» в лирическом диалоге Анны Ахматовой и Николая Гумилева

Головченко Игорь Федорович

Кандидат юридических наук, доцент,
Пятигорский государственный университет,
357532, Российская Федерация, Пятигорск, просп. Калинина, 9;
e-mail: i_golovchenko@yahoo.com

Аннотация

Анну Ахматову и Николая Гумилева связывали не только личные, но и поэтические отношения: супруги обменивались стихотворными репликами. Один из таких лирических диалогов разобран в настоящей статье. В ответ на стихотворение Анны Ахматовой «Сжала руки под темной вуалью» Николай Гумилев пишет стихотворение «Отравленный», развивая тему и завершая сюжет. При этом тема супружеской ссоры и разлуки у Гумилева получает развитие как тема смерти и прихода из потустороннего мира мертвого жениха, что получает развитие в более поздних стихотворениях Ахматовой: «На пороге белом рая...» и «Заклинание».

Для цитирования в научных исследованиях

Головченко И.Ф. Имплицитная семантика «пути» в лирическом диалоге Анны Ахматовой и Николая Гумилева // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 3А. С. 229-236.

Ключевые слова

Лирический диалог, путь, дорога, Гумилев, Ахматова.

Поэтический диалог Гумилева и Ахматовой

Два поэта, судьбы которых тесно переплелись с их стихотворениями, не единожды вступали в поэтический диалог. В данном исследовании рассмотрим обмен поэтическими «репликами» 1911 года. В это время Ахматова и Гумилев женаты, Гумилев активно работает над созданием «Цеха поэтов» и декларирует преодоление кризиса символизма. Анна Ахматова входит в этот кружок и выступает со своими стихотворениями на его заседаниях.

8 января 1911 года Ахматова создает стихотворение «Сжала руки под темной вуалью...». В январе 1912 года публикуется стихотворение Николая Гумилева «Отравленный» («Ты со-

всем, ты совсем снеговая...»), в котором, как свидетельствует Анна Ахматова, речь идет о ней [см. Герштейн, 1986, 214]. Эти стихотворения представляют собой реплику и ответ, о чем свидетельствует несколько факторов:

1) одинаковая форма: размер и способ рифмовки – трехстопный анапест с перекрестным чередованием мужской и женской рифмы;

2) в ряде строк присутствует переключка образов и тем, в частности:

«Отчего ты сегодня бледна?» /Ахматова/

Как ты странно и страшно бледна! /Гумилев/

В обоих случаях реплики героя-мужчины закодированы: у Ахматовой он обращается к женщине – лирической героине, у Гумилева фраза мужчины, высказанная им эксплицитно, закодирована, а затем его размышления – внутренний монолог – представлены в тексте уже без кавычек.

3) Сам сюжет стихотворения Ахматовой наводит на мысль об отравлении: героиня «терпкой печалью / напоила его допьяна», герой «вышел, шатаясь, / искривился мучительно рот». У Гумилева герой предсказывает, что после выпитого вина он «смертельный почувствует хмель», и если вначале он заявляет лишь «что я знаю, то знаю давно», не уточняя содержание данного знания, то в дальнейшем он сообщает «и мне сладко – не плачь, дорогая, – / знать, что ты отравила меня».

Стихотворения представляют собой обмен репликами супругов. При этом у Ахматовой нет окончательного ответа – разлучает ли их смерть или это всего лишь временная разлука, и является ли «терпкая печаль» реальным или метафорическим ядом, а у Гумилева герой уже четко представляет себе, что в стакане, протягиваемом ему женщиной, отравка, и что ему предстоит умереть.

4) В обоих текстах значимым является образ дороги – ухода – путешествия. Герой Гумилева говорит о своей смерти как об отъезде:

Я уеду далеким, далеким,

Я не буду печальным и злым.

Образ мертвого мужа, вернувшегося к жене

У Гумилева герой приходит к своей отравительнице уже после смерти: после того, как «смертельный почувствует хмель», он придет к героине и скажет о своем отъезде – смерти. Это роднит текст Гумилева с другим значимым в русской литературе поэтическим диалогом, вводящим образ мертвого жениха, приехавшего за своей невестой. Речь идет о трех текстах В.А. Жуковского: переводе «Леноры» Бюргера, балладе «Людмила», сюжет которой во многом повторяет сюжет «Леноры», и балладу «Светлана», в которой встреча с мертвым женихом оказывается сном, а в реальности жених цел и невредим. В «Леноре» и «Людмиле» героиня «уезжает» со своим мертвым женихом и сама умирает, что согласуется с народной

приметой: уйти с умершим во сне – предвестие смерти того, кто видел этот сон. Русские баллады, в первую очередь баллады Жуковского (хорошо известные Ахматовой и ставшие для нее эталоном жанра), уходят корнями в русский обрядовый фольклор. «Так, С. Бройтман фактически возводит генезис баллады к древнейшим фольклорным истокам – к ритуальным хоровым и плясовым песням, заклинательный смысл которых – стремление помочь возрождению умерших. Поэтому архетипический балладный сюжет – *приход мертвого жениха* – реализуется в балладе в контексте определенного магического хронотопа, как правило, обусловленного обрядом ритуального (как правило, святочного) гадания, ворожбы и т. п.» [Кихней, 2004, 30].

Образ мертвого мужа, возвратившегося с того света к жене, применительно к Гумилеву и Ахматовой упоминается в воспоминаниях Ирины Одоевцевой: «Я обернулась. Вот они идут вдвоем с Лурье по пустой, залитой лунным светом Бассейной. Идут, отбрасывая на белый тротуар длинные черные тени. И вдруг я вижу, что их уже не двое, а трое, что справа от Ахматовой идет еще кто-то, тонкий и высокий. Кто-то, не отбрасывающий тени. И я узнаю его. Конечно, это мне только кажется, но я застываю на месте, не в силах двинуться, и ясно вижу, как они втроем, а не вдвоем, удаляются в лунном сиянии» [Одоевцева, 67].

Герой Гумилева сам приходит к отравившей его и не стремится увести ее за собой, а, наоборот, отпускает: «Будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним». У Ахматовой мужчина сам возражает женщине, собравшейся пойти за ним: его реплика «Не стой на ветру», призывающая ее войти в дом, вернуться, не спешить за ним, в то же время отвергает ее попытку примириться с ним и просьбу остаться, выраженную через антитезу «уйдешь, я умру».

Герои Ахматовой находятся на пороге жилища: мужчина уходит, женщина пытается его догнать:

Я сбежала, перил не касаясь,

Я бежала за ним до ворот.

За воротами начинается иное – чужое пространство, ворота – последний рубеж огороженного, знакомого пространства. Герой не пускает героиню в свою новую жизнь, он уходит, не взяв ее с собой.

Лирический герой Гумилева не уходит из здания: он уходит в потусторонний мир, физически оставаясь лежащим на постели:

А потом, когда свечи потушат,

И кошмары придут на постель,

Те кошмары, что медленно душат,

Я смертельный почувствую хмель...

В конце стихотворения уже очевидно, что герой умер: он находится в раю, и герой как бы совершает путешествие во времени – от жизни, в которой он принимает бокал вина от отравительницы, в смерть, которая переносит его в рай:

Мне из рая, прохладного рая,
Видны белые отсветы дня...
И мне сладко – не плачь, дорогая, –
Знать, что ты отравила меня.

Все стихотворение Гумилева написано в будущем времени: герой предвидит исход с того момента, как женщина подает ему бокал, и предсказывает свои действия: выпью – почувствую – приду – скажу. Далее содержание его слов написано с чередованием прошедшего и будущего времени: снилась – буду – будь – уеду – отравила. Такое чередование времен заставляет задуматься о том, в какое время происходит действие стихотворения: герой еще жив или уже умер? Он только предвидит возможное развитие событий либо вспоминает его из рая?

Прошедшее время в стихотворении Гумилева возникает в передаче речи: после «скажу» и в косвенной речи «знать, что ты отравила меня». У Ахматовой речь явно идет уже о прошедших событиях: героиня «сжала руки» – напоила – сбежала – бежала – крикнула; герой вышел – «искривился мучительно рот» – улыбнулся – сказал. К плану настоящего–будущего времени относятся только слова «Как забуду?», подразумевающие, что перед читателем стихотворение-воспоминание, которое невозможно забыть, к которому героиня постоянно возвращается.

Интересно, что оба поэта используют глаголы совершенного вида, тем самым как бы подчеркивая уже свершившийся факт действия в прошедшем времени или неотвратимость его наступления в будущем.

Герой Ахматовой находится только в начале дороги: автор оставляет его у ворот, и о дальнейшем развитии событий читатель может лишь догадываться. У стихотворения своего рода открытый финал: герой не ушел, его реплика «не стой на ветру» может означать как проявление заботы, так и попытку отослать героиню, не поддерживать с ней отношения в дальнейшем. О его передвижении в пространстве читатель может судить по глаголам «вышел»: герой выдвинулся из какого-то замкнутого пространства (вероятно, дома), а о его дальнейшем намерении можно догадаться из слов героини: «уйдешь, я умру». Герой Гумилева попадает в некое пространство, в котором ему видится «равнина без края / и совсем золотой небосклон»: рай, из которого он смотрит на свою отравительницу.

В обоих случаях дорога присутствует имплицитно: ни в одном, ни в другом стихотворении не упоминается о пути / дороге / путешествии, герои захвачены в момент «смены декораций»: отравленный герой Гумилева стоит на пороге между жизнью и смертью, а собеседник героини Ахматовой пребывает у ворот, в пограничной точке между огороженным и неогороженным («равнина без края»!) пространством.

Как указывает исследователь творчества Гумилева А.А. Кулагина, для поэта характерно объединение перемещения в пространстве с духовным перемещением: «Пересечение пространства оказывается путешествием духа. Характерно, что подобные мотивы появлялись

и в раннем творчестве поэта («Путешествие в Китай»), и проявятся уже на более позднем этапе («Заблудившийся трамвай», «Стокгольм»): *И понял я, что заблудился навеки // В слепых переходах пространств и времен* [Кулагина, 2012, 109].

В июле 1921 года, после гибели Гумилева, Ахматова напишет «На пороге белом рая...» – третью реплику в этом импровизированном диалоге. Первые два четверостишия буквально повторяют образы из стихотворения «Отравленный»:

На пороге белом рая,
Оглянувшись, крикнул: «Жду!»
Завещал мне, умирая,
Благостность и нищету.

Герой смотрит на героиню из рая, у которого «белый порог», а у Гумилева в раю видны «белые отсветы дня». Он завещает героине благостность и нищету – а у Гумилева отравленный напутствует героиню «быть счастливой». Однако Ахматова считает, что герой стихотворения ждет ее в раю, а отравленный у Гумилева обещает ей прощение и просит не расстраиваться из-за совершенного ею преступления.

Таким образом, хотя в обмене репликами между Ахматовой и Гумилевым не упомянут образ пути, он имплицитно присутствует «на полях» этого поэтического диалога. Прочитав стихотворение Ахматовой, нельзя с уверенностью сказать, что герой уходит в мир иной: возможно, образ терпкой печали – это лишь метафора ссоры, а герой уходит от супруги то ли на время из-за ссоры, то ли навсегда.

Стихотворение Гумилева конкретизирует ситуацию, показывая «мужской взгляд» на те же события: герой выпивает вполне материальное отравленное вино и совершает путешествие в мир иной, возвращаясь оттуда, чтобы простить свою возлюбленную. В стихотворении Гумилева содержится намек на причину ссоры – супружескую неверность: «будь счастливой, с кем хочешь, хоть с ним». Косвенно об этом свидетельствуют и слова лирической героини Ахматовой: «шутка / все, что было».

Продолжение диалога через годы

Диалог поэтов выстраивает смысловую связь «разлука–дорога», затем обогащающуюся третьим элементом «смерть»: в трактовке Гумилева герой «уедет» навсегда, но из рая он видит свою собеседницу и продолжает с ней общаться. Смерть парадоксальным образом соединяет разлученных вновь, что подтверждено и в продолжении поэтического диалога спустя 10 лет:

И когда прозрачно небо,
Видит, крыльями звеня,
Как делюсь я коркой хлеба
С тем, кто просит у меня.

Вполне объяснимо, что эта цепочка смыслов воздействовала на Ирину Одоевцеву, увидевшую призрак Гумилева рядом с Ахматовой и Лурье. Поэтический диалог, перекликающийся с событиями реальной жизни, позволил обогатить смысловое поле путешествия – пути – дороги – перемещения в пространстве смыслами смерти, расставания, разлуки и измены.

В дальнейшем тема получила развитие в позднем стихотворении Ахматовой «Заклинание». В «Заклинании» героиня призывает к себе жениха на ужин, как гадающие девушки у Жуковского:

Из тюремных ворот,
Из заохтенских болот,
Путем нехоженым,
Лугом некошеным,
Сквозь ночной кордон,
Под пасхальный звон,
Незванный,
Несуженый, –
Приди ко мне ужинать.

Стихотворение написано в 1936 году – после смерти Н.С. Гумилева прошло уже 15 лет, и Ахматова возвращается к образу мертвого жениха, который впоследствии отразится и в «Поэме без героя»: «Сюжетное сходство обоих «Заклинаний» с потаенным сюжетом *Части первой* «Поэмы без героя» зиждется на балладной ситуации прихода „мертвого жениха“, причем эта ситуация к финалу *первой главы* „Петербургской повести“, обозначается достаточно прямо и однозначно» [Кихней, Темиршина, 2002, 53].

Библиография

1. Герштейн Э.Г. (сост.) Стихи и письма. Анна Ахматова. Н. Гумилев // Новый мир. 1986. № 9. С. 198, 214-215.
2. Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: Баллады; Поэмы и повести. М.; Л.: Государственное изд-во художественной литературы, 1959. 487 с.
3. Кихней Л.Г. Мифологическая семантика умирания и воскрешения в стихах Ахматовой 1930-50-х годов // Творчество А. Ахматовой и Н. Гумилева в контексте поэзии XX века. Тверь: ТверГУ, 2004. С. 27-39.
4. Кихней Л.Г., Темиршина О.Р. «Поэма без героя» Анны Ахматовой и поэтика постмодернизма // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2002. № 3. С. 53-64.
5. Кулагина А.А. Жизнетворческая концепция и принципы создания образа в лирике и драматургии Н.С. Гумилева: дис. ... канд. филол. наук. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2012. 175 с.
6. Одоевцева И. На берегах Невы. На берегах Сены. М.: Астрель, 2011. 544 с.

The implicit semantics of "way" in the lyrical dialogue of Anna Akhmatova and Nikolai Gumilev

Igor' F. Golovchenko

PhD in Law, Associate Professor,

Pyatigorsk State University,

357532, 9 Kalinina av., Pyatigorsk, Russian Federation;

e-mail: i_golovchenko@yahoo.com

Abstract

Anna Akhmatova and Nikolai Gumilev were bound not only by personal but also poetic relationships: the couple exchanged poetic remarks. One of these lyrical conversations is analyzed in this article. In response to the poem of Anna Akhmatova "Szhala ruki pod temnoi vual'yu" ("Under her Dark Veil She Wrung her Hands") Nikolai Gumilev writes the poem "Otravlennyi" ("Poisoned"), developing the theme and completing the story. At the same time, the theme of the marriage quarrel and separation is developed by Gumilev as a theme of the death and arrival of the dead bridegroom from the other world, which Akhmatova develops later in her poems: "Na poroge belom raya..." ("On the Whitest Porch of Eden...") and "Zaklinanie" ("Spell").

For citation

Golovchenko I.F. (2017) Implitsitnaya semantika "puti" v liricheskom dialoge Anny Akhmatovoi i Nikolaya Gumileva [The implicit semantics of "way" in the lyrical dialogue of Anna Akhmatova and Nikolai Gumilev]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (3A), pp. 229-236.

Keywords

Lyrical dialogue, way, road, Gumilev, Akhmatova.

References

1. Gershtein E.G. (1986) Stikhi i pis'ma. Anna Akhmatova. N. Gumilev [Poems and letters. Anna Akhmatova. N. Gumilev]. *Novyi mir* [New world], 9, pp. 198, 214-215.
2. Kikhnei L.G. (2004) Mifologicheskaya semantika umiraniya i voskresheniya v stikhakh Akhmatovoi 1930-50-kh godov [Mythological semantics of the dying and resurrection in poems of Akhmatova in 1930-50-ies]. In: *Tvorchestvo A. Akhmatovoi i N. Gumileva v kontekste poezii XX veka* [The works of A. Akhmatova and N. Gumilev in the context of poetry of the twentieth century]. Tver: Tver State University, pp. 27-39.

3. Kikhnei L.G., Termishina O.R. (2002) "Poema bez geroya" Anny Akhmatovoi i poetika postmodernizma ["Poem without a hero" by Anna Akhmatova and the poetics of postmodernism]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 3, pp. 53-64.
4. Kulagina A.A. (2012) *Zhiznetvorcheskaya kontseptsiya i printsipy sozdaniya obraza v lirike i dramaturgii N.S. Gumileva: dis. ... kand. filol. nauk* [Life and creative concept and principles of image creation in the poetry and drama of N.S. Gumilev. Doct. Diss. Abstract]. Moscow: People's Friendship University of Russia.
5. Odoevtseva I. (2011) *Na beregakh Nevy. Na beregakh Seny* [On the banks of the Neva. On the banks of the Seine]. Moscow: Astrel' Publ.
6. Zhukovskii V.A. (1959) *Sobranie sochinenii: v 4 t. T. 2: Ballady; Poemy i povesti* [Collected works: in 4 vol. Vol. 2: Ballads; Poems and stories]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo khudozhestvennoi literatury Publ.